

классицизма об историософском аспекте их проблематики можно говорить лишь относительно, поскольку в содержании трагедий выделяется только его идеологическая направленность. Сама же драматургия при таком подходе граничит с публицистикой.

Таким образом, ни абсолютизация источниковедческого подхода, при котором весь смысл обращения к истории сводится к «драматургической обработке летописных известий», ни тенденция усматривать в каждом историческом сюжете и в каждой реалии скрытую в них политическую аллюзию не приближают нас к осмыслению исторической проблематики трагедий XVIII в. Выход следует искать в анализе структуры самих пьес с точки зрения уловления в их содержании субстанциального начала, когда в поступках персонажей — акциях самоутверждающейся личности, в ее нравственном борении проявляется движение сил истории.

Узловой проблемой для понимания факторов, регулирующих структурное оформление замысла произведения драматургии, остается вопрос об источниках драматического конфликта. Для драматургии, имеющей дело с историческими сюжетами (а именно таковой была классицистическая трагедия в России XVIII в.), природа конфликта неизбежно должна обуславливаться или как-то соотноситься с тем уровнем осмысления истории, который соответствует времени создания пьесы. Когда обращение к историческим сюжетам носит иллюстративный характер, субстанциональность конфликта как движущего начала драматического действия практически отсутствует. И об историософском аспекте содержания подобных пьес не приходится говорить.

Так или иначе конфликт всегда является результатом столкновения противостоящих сил. Эти силы могут воплощать волю индивидуумов, борьбу страстей, и конфликт носит в таком случае нередко сугубо личный характер. Иное дело, когда источник конфликта спроецирован на внеличностные социально-нравственные коллизии, и противоборствующие силы воплощают собой стоящие за ними тенденции исторического развития. Драматизм действия становится особенно напряженным, когда коллизия, лежащая в основе конфликта, отражает переломный момент в судьбах нации или государства. Здесь мы имеем дело с конфликтом, носящим субстанциональный характер. Именно на базе такого конфликта в пьесах, разрабатывающих историческую тему, возникает историософский подтекст. Наличие подобного подтекста в структуре драматического действия мы пытались показать на примере анализа трагедокомедии Феофана Прокоповича «Владимир».

Положение меняется с того момента, когда в русской драматургии устанавливаются нормы классицистического театра. О своеобразии трагедий Сумарокова в аспекте разработки в них исторической проблематики я упомянул выше. Кроме того, более подробно связанные с этой проблемой особенности его драматургической системы я рассматривал в указанной выше монографии. Поэтому в настоящий момент ограничусь общими соображениями по затронутой теме, ни в коей мере не считая ее исчерпанной.